

RU

Способы реализации инвариантного содержания в аутентичных текстах международного договора на русском, английском и французском языках (на примере Картахенского протокола по биобезопасности)

Курганова М. С., Новиков Д. Н.

Аннотация. Цель исследования – определение когнитивных механизмов, обеспечивающих сохранение межъязыкового содержательного инварианта в аутентичных текстах международного соглашения на русском, английском и французском языках. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые доказана когнитивная природа функциональной эквивалентности многоязычного юридического текста: установлено, что тождественность правового смысла достигается не за счет формального структурного соответствия, а посредством активации универсальных образных схем, укорененных в сенсомоторном опыте взаимодействия человека со средой. Впервые систематизированы преобладающие модели метафорической концептуализации на примере аутентичного текста международного договора, репрезентирующего экологический дискурс, и выявлены закономерности лексико-грамматической асимметрии в выражении деонтической модальности, залога и темпоральности. В результате установлено, что лексико-грамматическая структурная асимметрия не приводит к нарушению содержательного инварианта документа. Доказано, что функциональная эквивалентность версий на трех языках достигается не путем строгого структурного соответствия, а за счет активации уникальных для каждой лингвокультуры когнитивных моделей категоризации опыта.

EN

Ways of realizing invariant content in authentic texts of an international treaty in Russian, English, and French (the case of the Cartagena Protocol on Biosafety)

M. S. Kurganova, D. N. Novikov

Abstract. The study aims to identify the cognitive mechanisms that ensure the preservation of an interlingual content invariant across the authentic texts of an international agreement in Russian, English, and French. The scientific novelty of the study lies in the first-ever demonstration of the cognitive nature of functional equivalence in a multilingual legal text. It is established that the identity of legal meaning is achieved not through formal structural correspondence but through the activation of universal image schemas rooted in sensorimotor experience of human interaction with the environment. For the first time, the prevailing models of metaphorical conceptualization are systematized using an authentic text of an international treaty representing ecological discourse, and patterns of lexico-grammatical asymmetry in the expression of deontic modality, voice, and temporality are identified. The results establish that lexico-grammatical structural asymmetry does not lead to a disruption of the document's content invariant. It is proven that functional equivalence across the versions in three languages is achieved not through strict structural correspondence, but by activating cognitive models of experience categorization unique to each linguoculture.

Введение

Актуальность темы научного исследования заключается в том, что в условиях глобализации экологического дискурса и активного развития биотехнологий правовое регулирование (в частности, в рамках Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии (2000)) требует предельно точного согласования позиций государств для предотвращения негативных последствий для окружающей

среды. Эквивалентность аутентичных текстов, обладающих равной юридической силой на разных языках, не сводится к формальному тождеству языковых знаков, а основывается на сохранении содержательного инварианта – глубинного ментального конструкта, который нивелирует лингвокультурные различия и обеспечивает формирование области консенсуального понимания правовой нормы всеми участниками договора. Поскольку вариативность лексико-грамматических средств неизбежна ввиду объективного несовпадения языковых картин мира, особую актуальность приобретает выявление когнитивных механизмов, обеспечивающих единое понимание правовых норм представителями различных культур.

Для достижения указанной цели решены следующие задачи:

- обосновать понятие межъязыкового содержательного инварианта как когнитивной макроструктуры, укорененной в универсальном сенсомоторном опыте человека;
- выявить и систематизировать доминирующие модели метафорической концептуализации в текстах Картахенского протокола на трех языках;
- установить закономерности лексико-грамматической асимметрии в выражении деонтической модальности, категорий залога и темпоральности.

Наряду с текстами международного соглашения (Картахенский протокол..., 2000; Cartagena Protocol..., 2000; Protocole de Cartagena..., 2000) материалом исследования послужили дефиниции исследуемых лексем в следующих словарях: Cambridge Advanced Learner's Dictionary; The Chambers Dictionary, Collins Cobuild Advanced Learner's Dictionary, Merriam Webster's Advanced Learner's Dictionary; Толковый словарь Д. Н. Ушакова; Dico en ligne le Robert, Dictionnaire français Larousse.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых: основой для осмысления языка как механизма когнитивной координации послужили работы представителей биоконгнитивной парадигмы. В частности, исследование опирается на труды У. Матураны и Ф. Варелы (2019), в которых вводится понятие «аутопоэза», «операциональной независимости» и формирования консенсуальной области взаимодействий живых систем. Применение настоящих принципов к лингвистике и обоснование функции языка как средства адаптации к среде базируются на работах А. В. Кравченко (2008). Современное осмысление философии У. Матураны в контексте биологии познания и лингвистического моделирования приведено на основе исследования А. С. Дружинина (Druzhinin, 2025). Для выявления механизмов репрезентации абстрактных смыслов в текстах соглашений в сфере экологии в качестве основы послужила теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (2004), а также положения эколлингвистики, сформулированные в работах А. Стибби (Stibbe, 2021). Специфика лексико-грамматической асимметрии при передаче категорий модальности, темпоральности и залога в двусторонних и многосторонних соглашениях определялась с учетом выводов, представленных в работах А. В. Бондарко (2007), а также А. Хачатряна и М. Восканяна (Khachatryan, Voskanyan, 2022). Важным аспектом исследования являлось определение механизмов интерпретации многоязычных договоров и конструирования единой правовой реальности. В этой связи теоретической базой послужили труды Л. Мартино (Martino, 2024), в которых раскрывается проблема языковой неопределенности и применения ст. 33 Венской конвенции о праве международных договоров, а также К. Хансен-Лори (Hansen-Lohrey, 2025), предлагающей подходы к согласованию расходящихся смыслов в аутентичных текстах. Особенности установления правовых рамок и современные тенденции судебного толкования международных норм рассматривались с учетом положений работ А. М. Шеголевой (2014) и А. Я. Капустина (2021).

В работе использован сравнительно-сопоставительный метод для анализа аутентичных версий Картахенского протокола на русском, английском и французском языках с целью выявления структурной лексико-грамматической асимметрии и доказательства функциональной эквивалентности текстов. Для выявления семантического тождества разноязычных единиц применялся метод компонентно-инвариантного анализа, позволивший на основе словарных дефиниций выделить базовые семы, формирующие единый инвариант. Для выявления глубинных структур конструирования правовой реальности применялись элементы биосемиотического анализа и аутопозной реинтерпретации, позволившие установить базовые сенсомоторные схемы, лежащие в основе метафоризации, и подтвердить роль языковых средств как механизма когнитивной координации участников договора. В работе также применен метод количественного анализа, который использовался для подсчета частотности употребления грамматических конструкций.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть применены в практике юридического перевода, составления и редактирования многоязычных международных правовых актов. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы для разработки лекций и семинаров по теории и практике перевода, дипломатическому и юридическому дискурсу, сопоставительной типологии.

Обсуждение и результаты

Выбор текста Картахенского протокола по биобезопасности в качестве материала исследования продиктован не только его глобальной значимостью, но и уникальной терминологической ситуацией, сложившейся вокруг главного объекта регулирования. Установление правовых рамок для взаимодействия биосферы с искусственно созданными объектами требует предельной точности в конструировании общей реальности, однако на практике наблюдается очевидная концептуальная асимметрия. Так, закрепленный в русскоязычной аутентичной версии

документа термин «живые измененные организмы» (ЖИО) практически не укоренился в национальном экологическом дискурсе (Щеголева, 2014, с. 308), где доминирующим стало понятие «генно-инженерно-модифицированный организм» (ГМО) (О государственном регулировании..., 1996). Несмотря на наличие объективных технологических нюансов в процессах генной модификации, отличающих ЖИО от ГМО, в прагматическом поле международного права эти единицы взаимозаменяемы и успешно служат для единой коммуникативной цели. Именно на примере сложного, неоднозначно категоризируемого объекта (ЖИО/ГМО) наиболее отчетливо проявляется способность языка конструировать *консенсуальную область взаимодействий* (исходно понимаемую как пространство общих смыслов и согласованных действий, возникающее между двумя или более живыми системами в процессе их координированного поведения, запускаемого друг у друга членами социального единства (Матурана, Варела, 2019)) за счет сохранения глубинного смыслового тождества (инварианта) в условиях неизбежного несовпадения формальных лексико-семантических структур.

Для понимания того, как выстраивается функционально эквивалентная правовая реальность в версиях документа на русском, английском и французском языках, в настоящей работе проводится сопоставительный анализ по четырем аспектам. Последовательно рассматриваются особенности актуализации концептуальных метафор, а также способы выражения модальности, категории залога и темпоральности. Изучение лексико-грамматической асимметрии по указанным параметрам направлено на выявление содержательного инварианта – ментальной структуры, возникающей не как переданный смысл, а как согласованная структура, которую каждая система (и языковая, и когнитивная) воспроизводит по-своему, но с одинаковым результатом. Фиксация данного когнитивного инварианта позволяет обосновать тот факт, что международный договор сохраняет свою функциональную идентичность, несмотря на структурные различия используемых языков.

Метафорическая концептуализация

В рамках исследования методом сплошной выборки отобраны примеры концептуальных метафор и представлены средства их вербализации в текстах Картахенского протокола по биобезопасности на трех языках. В сфере международного права, оперирующего категориями высокой степени абстракции, метафоризация представляется важнейшим когнитивным инструментом, позволяющим структурировать абстрактные смыслы и придать им форму, доступную для восприятия. В рамках биокогнитивной теории полагается, что концептуальные структуры, включая метафорические проекции, укоренены в универсальном опыте взаимодействия тела со средой, что является фундаментальным условием для существования и развития при сохранении «операциональной независимости» (Матурана, Варела, 2019, с. 95). Согласно данному подходу, абстрактное мышление формируется не автономно, а через сенсомоторные схемы – паттерны взаимодействия с физическим миром, которые служат инвариантной когнитивной основой, общей для всех людей независимо от культурно-языковой принадлежности. В настоящем разделе приведены примеры, наиболее ярко иллюстрирующие способы метафорической концептуализации правовой реальности Сторонами документа, асимметрии в вербализации ментальных репрезентаций при сохранении функциональной эквивалентности положений документов.

Борьба с нерегулируемой транспортировкой ЖИО, направленная на сохранение окружающей среды, воспринимается Сторонами как ОБЩЕЕ ДЕЛО. Следовательно, Стороны иницируют совместные усилия по поддержанию более активного сотрудничества и координацию действий в области обеспечения биобезопасности, направленные на борьбу с нерегулируемым использованием живых измененных организмов.

Настоящий концепт актуализируется в тексте соглашения структурной концептуальной метафорой, например, в статье 22 Протокола (Картахенский протокол..., 2000). Для достижения поставленной цели в рамках ОБЩЕГО ДЕЛА стороны предпринимают совместные усилия и сотрудничают в целях обеспечения биобезопасности:

*Стороны **сотрудничают** в развитии и/или укреплении людских ресурсов...*

*The Parties shall **cooperate** in the development and/or strengthening of human resources...*

*Les Parties **coopèrent** au développement et au renforcement des ressources humaines...*

Стороны признают, что эффективное преодоление вызовов, связанных с нерегулируемой транспортировкой таких организмов, возможно лишь за счет объединения ресурсов, знаний и опыта. Это, в свою очередь, подчеркивает значимость коллективных действий и демонстрирует приверженность всех участников к сохранению экосистем, а также к защите окружающей среды для будущих поколений.

В рамках своего взаимодействия для достижения общей цели и во избежание разногласий Стороны вносят свой вклад в ОБЩЕЕ ДЕЛО, обмениваясь информацией и призывая к этому также те государства, которые не являются участниками Протокола:

*Стороны **поощряют** <...> **предоставлять** <...> соответствующую информацию...*

*The Parties shall encourage <...> **to contribute** appropriate information...*

*Les Parties encouragent <...> à **communiquer** <...> des renseignements appropriés...*

В приведенном выше примере мы видим, что концепт ОБЩЕЕ ДЕЛО актуализирован в текстах Протокола на всех трех языках, однако способы вербализации различаются. Обратимся к результатам компонентно-инвариантного анализа, позволяющим выявить ключевые элементы, которые формируют концепт ОБЩЕЕ ДЕЛО. В результате анализа словарных статей для лексем *предоставлять*, *contribute* и *communiquer* были выделены следующие лексико-семантические варианты (Таблица 1).

Таблица 1. Результаты компонентного анализа лексем *предоставлять*, *contribute*, *communiquer*

предоставлять	contribute	communiquer
(1) <i>отдать</i> в распоряжение (2) <i>дать</i> возможность (3) <i>наделить</i> правом	(1) to give or supply as a <i>part</i> (2) to play a significant <i>part</i> of smth (3) to be <i>one of</i> the causes of smth (4) to write for publication	(1) transmettre qch (2) faire savoir qch

На основании анализа сем лексико-семантических вариантов (ЛСВ) указанных выше лексических единиц в качестве номинативно-непроизводного (ННЗ) для лексемы *предоставлять* можно выделить значение *отдать*, для лексемы *contribute* – *to be a part of smth*, для глагола *communiquer* – его первое значение (**communiquer (1)**). В результате компонентного анализа выявлена семантическая асимметрия: английская лексема *contribute* содержит сему *part* (*быть частью целого*), отсутствующую в ННЗ русского *предоставлять* и французского *communiquer*. Тем не менее такого рода асимметрия не приводит к нарушению содержательного инварианта, поскольку все три единицы активируют базовую схему ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ, укорененную в универсальном опыте взаимодействия организма со средой. В рассматриваемом примере сенсомоторный опыт совместного физического труда (несколько участников взаимодействуют прикладывая усилие к общему объекту) формирует прототипический образ коллективного действия, который впоследствии проецируется на абстрактную область международного сотрудничества. Несмотря на лексическую асимметрию, возможно констатировать изоморфизм концептуально-метафорических образований в вариантах текста на трех языках, поскольку при разном содержании мы наблюдаем схожесть структурной организации, гарантирующую консенсуальное понимание воплощённого опыта коллективного труда.

В рамках ОБЩЕГО ДЕЛА участники оказывают друг другу помощь и поддержку для достижения общей цели и в связи с этим стремятся предотвращать возникновение противоречий в национальных законодательствах, что подчеркивается в преамбуле документа на трех языках:

...соглашения должны быть **взаимодополняющими**...

...agreements should be **mutually supportive**...

...les accords devraient **se soutenir** mutuellement...

В примере выше структурный метафорический концепт ОБЩЕЕ ДЕЛО реализован за счет лексических единиц *взаимодополняющий*, *mutually supportive*, *se soutenir*. В русском языке для вербализации настоящего концепта используется прилагательное с приставкой *взаим-*, в английском – наречие *mutually* перед прилагательным *supportive*, во французском – возвратный глагол *se soutenir*. В настоящем случае все три способа вербализации активируют образную схему ОПОРА, восходящую к сенсомоторному опыту поддержания вертикального равновесия тела: чтобы устоять, тело должно опираться на нечто устойчивое, а устойчивость зачастую достигается за счет балансирования. Следовательно, в рассматриваемом случае при лексической вариативности также возможно утверждать о функциональной эквивалентности.

Биотехнологии, продуктом которых являются упоминаемые в Протоколе ЖИО, представлены онтологической концептуальной метафорой: они рассматриваются как СУЩНОСТЬ, способная претерпевать количественные и качественные изменения, тем самым оказывая влияние на окружающую среду. Это положение подтверждается примером из преамбулы документа:

Созная **быстрое распространение** современной биотехнологии...

Aware of the **rapid expansion** of modern biotechnology...

La biotechnologie moderne **se développe rapidement**...

Из содержания документа следует, что биотехнология используется в деятельности человека все чаще при быстро прогрессирующем расширении сферы охвата ее применения. Ниже представлены результаты компонентного анализа (Таблица 2).

Таблица 2. Результаты компонентного анализа лексем *распространяться*, *expand*, *se développer*

распространяться	expand	se développer
(1) расширяться в пространстве, увеличив круг действия (2) стать широкодоступным, известным (3) быть сообщенным	(1) increase in size, number or importance (2) to add details	(1) se former le corps ou l'esprit (2) s'agrandir, gagner de l'ampleur (3) s'exposer d'une manière plus détaillée
ННЗ: расширяться в сфере охвата	ННЗ: expand (1)	ННЗ: gagner de l'ampleur ou détail

В результате анализа выявлено, что составляющие ННЗ семы лексических единиц на русском и французском языке предполагают увеличение в размере, в то время как ННЗ лексемы в английском языке предполагает как количественное, так и качественное изменение. Все три лексемы восходят к сенсомоторной схеме КОНТЕЙНЕР/РАСШИРЕНИЕ, укорененной в базовом телесном ощущении: дыхании, ощущении нарастающего давления, зрительном восприятии объекта. При этом русское *распространяться* и французское *se développer* активируют прежде всего пространственный аспект этой ментальной репрезентации. Английское *expand* активирует дополнительный аспект качественного роста, что соответствует схеме РОСТ ОРГАНИЗМА: живой организм не просто занимает больше места, но и усложняется. При сохранении инвариантного содержания и функциональной эквивалентности версий на трех языках, в английском тексте биотехнология имплицитно наделяется способностью к органическому саморазвитию, что усиливает онтологизацию метафоры.

Для англоязычного текста Картахенского протокола по биобезопасности также характерно использование ориентационных концептуальных метафор, репрезентирующих концепт ВЛАСТЬ ОРИЕНТИРОВАНА НАВЕРХ, ПОДЧИНЕНИЕ – ВНИЗ. Подтверждение приводится в статье 2.1:

...обязательств <...> **в рамках** настоящего Протокола...

...obligations **under** this protocol...

...les obligations **au titre de** ce Protocole...

Как демонстрируют приведенные выше примеры, в русском языке в настоящем положении вербализован концепт ПРОТОКОЛ – КОНТЕЙНЕР, обладающий определенными границами, обеспечивающими соблюдение обязательств, во французском варианте концепт не представлен. Тем не менее концепт ВЛАСТЬ ОРИЕНТИРОВАНА НАВЕРХ, ПОДЧИНЕНИЕ – ВНИЗ присутствует также и в текстах на русском и французском языках, как, например, в Статьях 3f) и 17.4:

...лицо, находящееся **под** юрисдикцией Стороны импорта...

...person **under** the jurisdiction of the Party of import...

...personne, **relevant de** la juridiction de la Partie importatrice...

...каждая Сторона, **к сфере** юрисдикции которой...

...each Party, **under** whose jurisdiction...

...chaque Partie, **sous** la juridiction de laquelle...

Концепт ВЛАСТЬ ОРИЕНТИРОВАНА НАВЕРХ, ПОДЧИНЕНИЕ – ВНИЗ в рассматриваемых случаях актуализирован в тексте документа на английском языке и в одном из трех случаев в текстах на русском и французском, причем в вербализации настоящего концепта в текстах на трех языках наблюдается вариативность. Несмотря на это, все способы вербализации моделируют пространственно-асимметричные отношения между субъектом и источником власти: субъект оказывается либо внутри очерченного властью пространства, либо опирается на нее как на несущее основание, либо притягивается к ней как к вышестоящей инстанции. Именно эта схожесть структуры категоризации сенсомоторного опыта при лексико-семантической асимметрии позволяет констатировать изоморфизм концептуально-метафорических образований и сохранение содержательного инварианта.

Модальность

Конструирование единой правовой реальности немыслимо без четкого распределения прав и обязанностей сторон. Именно категория деонтической модальности выступает ключевым инструментом, определяющим степень категоричности нормы и силу правового воздействия на участников соглашения. В связи с этим сопоставительный анализ модальных конструкций необходим для понимания того, как при лексико-грамматической асимметрии сохраняется единый когнитивный инвариант безусловного обязательства или рекомендации.

В результате сопоставительного анализа текстов Картахенского протокола к Конвенции по биобезопасности на русском, английском и французском языках установлено, что значение обязательства в тексте на русском языке в большинстве случаев вербализовано глаголом в настоящем времени (в значении предписания). В тексте на английском языке ему соответствует конструкция *shall* + инфинитив, во французском – глагол в настоящем времени изъявительного наклонения (*Présent de l'indicatif*).

Таким образом, например, выражено предписание для сторон, касающееся необходимых мер для выполнения взятых на себя обязательств, в статье 2.1:

Каждая Сторона **принимает** необходимые <...> меры для выполнения своих обязательств, предусмотренных в рамках настоящего Протокола.

Each Party **shall take** necessary <...> measures to implement its obligations under this Protocol.

Chaque Partie **prend** les mesures <...> nécessaires <...> pour s'acquitter de ses obligations au titre du Protocole.

Русское нормативное настоящее время активизирует когнитивный паттерн ОБЪЕКТИВНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ, при котором предписание концептуализируется не как навязанное извне требование, а как имманентное свойство правовой реальности. Конструкция опирается на телесный опыт восприятия физических законов природы как неизменных и не зависящих от воли субъекта, что минимизирует возможность альтернативной интерпретации и создает эффект деонтической безальтернативности.

Английская конструкция *shall* + инфинитив, восходящая к древнеанглийскому глаголу долженствования (первоначально выражавшего задолженность и обязанность) (Новиков, Катаева, 2018, с. 41), активизирует более сложный концепт ОБЯЗАТЕЛЬСТВА КАК ДОЛГА. Модальный глагол эксплицирует наличие деонтической силы, воздействующей на субъект, что соответствует метафоре ОБЯЗАТЕЛЬСТВО – ЭТО НОША, укорененной в телесном опыте физического давления.

Во французском языке *Présent de l'indicatif* функционирует аналогично русскому варианту, реализуя когнитивную стратегию актуализации нормы как установленной реальности. Несмотря на различие формальных средств выражения, все три варианта активизируют единый концептуальный инвариант – БЕЗУСЛОВНОСТЬ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, опирающийся на телесно-ориентированную схему отсутствия выбора траектории движения.

Положения Картахенского протокола регулируют взаимодействие человека с живыми измененными организмами, и, следовательно, на языковом уровне можно наблюдать попытку создания стабильной и предсказуемой правовой экосистемы, что отражает цель документа – стабилизировать и обезопасить физическое взаимодействие человека с биотехнологиями. Доминирующая модель выражения обязательства является попыткой представить юридические нормы не как продукт соглашения, а как объективные, вневременные характеристики среды, что способствует минимизации двусмысленности реципиентом и активизирует базовую схему «установленного порядка» при восприятии текста.

Кроме того, встречается также вариант, при котором предписание сторонам выражено временем *Futur simple* во французском языке, как, например, в статье 29.7:

*Последующие очередные совещания Конференции Сторон... **проводятся** вместе с очередными совещаниями Конференции Сторон...*

*Subsequent ordinary meetings of the Conference of the Parties... **shall be held** in conjunction with ordinary meetings of the Conference of the Parties...*

*Par la suite, les réunions ordinaires de la Conférence des Parties... **se tiendront** en même temps que les réunions ordinaires de la...*

В отличие от единоразовых обязательств, в настоящем положении вербализована циклическая нормативная структура, что отражается в специфике языкового оформления во всех трех языках. Модель активирует сложную когнитивную структуру, объединяющую несколько модальных компонентов, таких как обязательность проведения совещаний в указанном формате, неизбежность и предсказуемость события. Французский вариант опирается на телесно-ориентированную схему НАБЛЮДАЕМОЙ РЕГУЛЯРНОСТИ природных циклов (смена времен года, суточные ритмы), метафорически проецируемую на институциональные процедуры, а *Futur simple* подчеркивает неотвратимость наступления очередного цикла.

Несмотря на структурную грамматическую асимметрию, в трех вариантах текста наблюдается концептуальный изоморфизм за счет реализации единого содержательного инварианта. Случаи отклонения от доминирующей модели представляют собой не нарушение эквивалентности, а когнитивное профилирование – акцентирование различных аспектов единой деонтической ситуации.

В некоторых случаях модальность долженствования выражается в русском языке кратким прилагательным *должен*+инфинитив, во французском – *devoir*+инфинитив, в то время как в тексте на английском языке по-прежнему используется конструкция *shall*+инфинитив. В качестве примера можно привести статью 10.4, касающуюся обоснования решений:

*...в решениях, принимаемых в рамках пункта 3, **должны приводиться** доводы, лежащие в основе решения.*

*...a decision under paragraph 3 above, **shall set out** the reasons on which it is based.*

*...les décisions visées au paragraphe 3 ci-dessus **doivent indiquer** les raisons qui les ont motivées.*

Таким образом, в русском и французском языках для акцентирования требований и устранения двусмысленности употребляется не просто перформативное настоящее время, а краткое прилагательное с модальным значением *должен* и модальный глагол *devoir*. Обязательность обоснования решений концептуализируется как критически важная норма, обеспечивающая прозрачность и подотчетность за счет грамматического выделения в русском и французском языках и контекстуального выделения в английском (положение в структуре статьи о процедуре принятия решений; связь с принципом транспарентности; потенциальное усиление через лексику *shall set out* – акцент на детальном изложении). Тем не менее для выражения долженствования в статье 30.1, в которой речь идет о функциях вспомогательного органа, в тексте на русском языке употреблено краткое прилагательное с модальным значением *должен* + инфинитив, в то время как в английском и французском текстах употребляются наиболее частотные *shall* + инфинитив и глагол в настоящем времени:

*...в этом случае Совещание Сторон определяет те функции, которые **должен выполнять** данный орган.*

*...in which case the meeting of the Parties shall specify which functions that body **shall exercise**.*

*...auquel cas la Réunion des Parties spécifie les fonctions **exercées** par cet organe.*

Таким образом, в положениях текста на английском языке наблюдается большая грамматическая унификация, в то время как в русском и французском вариантах очевидна вариативность при выражении модальности долженствования. Использование различных средств для установления обязательной нормы хотя и не влияет на ее выполнение с юридической точки зрения, но свидетельствует о неполной лексико-грамматической эквивалентности трех текстов. Однако, несмотря на структурную асимметрию, тексты на трех языках являются функционально эквивалентными за счет сохранения инвариантной ментальной модели.

В положениях рекомендательного характера в русском тексте также используется краткое прилагательное с модальным значением *должен*, в то время как в английском языке употреблены конструкции *should* + инфинитив и *devoir* (в форме условного наклонения) + инфинитив. Несмотря на то, что краткое прилагательное *должен* в русском языке является семантически «гибким» и может выражать как обязательство, так и рекомендацию, варианты выражения рекомендации в конкретном случае в английском и французском языках носят более мягкий характер, как, например, в статье 17.3:

*Любое уведомление, направляемое в соответствии с пунктом 1 выше, **должно содержать**...*

*Any notification arising from paragraph 1 above, **should include**...*

*Toute notification donnée en vertu du paragraphe 1 ci-dessus **devrait comporter** les éléments suivants...*

Следует также отметить, что прямой эквивалент английского *should* и французского *devoir* (в условном наклонении) – глагол *следует* – для выражения рекомендации в тексте соглашения не встречается ни разу. В статье 21.1 он употреблен наравне с конструкцией *to be to* + инфинитив в английском и *il faut que* во французском для выражения обязательного способа рассмотрения той или иной информации:

*Сторона импорта разрешает уведомителю указать, какую информацию из представленной... по данному Протоколу **следует рассматривать** в качестве конфиденциальной.*

*The Party of import shall permit the notifier to identify information submitted... that **is to be treated** as confidential.*

*La Partie importatrice autorise l'auteur de la notification à indiquer quelles sont, parmi les informations communiquées... celles qu'**il faut considérer** comme confidentielles.*

Хотя все три языковые версии устанавливают юридически эквивалентную норму, они делают это с разной степенью деонтической силы. Русская версия использует модальность, близкую к процедурной рекомендации, в то время как английская и французская прибегают к более категоричным формам долженствования.

Модальность может быть выражена не только конструкциями с модальными глаголами, но и лексическими средствами, как, например, в статье 8.1:

*Сторона экспорта уведомляет или **требует**, чтобы экспортер **обеспечил** уведомление в письменном виде национального компетентного органа Стороны импорта...*

*The Party of export shall notify, or **require the exporter to ensure** notification to, in writing, the competent national authority of the Party of import...*

*La Partie exportatrice adresse, ou **exige que l'exportateur veille à adresser**, par écrit, à l'autorité nationale compétente de la Partie importatrice, une notification...*

Способы выражения модальности в текстах Картахенского протокола на трех языках, выявленные в результате анализа, представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Способы выражения модальности в текстах Картахенского протокола

RU	EN	FR	итого
настоящее время	shall + инфинитив	présent de l'indicatif	92
настоящее время	shall + инфинитив	devoir (в изъявительном наклонении + инфинитив)	4
настоящее время	shall + инфинитив	futur simple	4
должен + инфинитив	should + инфинитив	devoir (в условном накл.) + инфинитив	5
должен + инфинитив	shall + инфинитив	devoir (в изъявительном наклонении + инфинитив)	3
следует + инфинитив	to be + инфинитив	il faut que	1
требует, чтобы	require + [объект] + to + инфинитив	exige que + сослагательное наклонение	3

Таким образом, выявлены случаи неполной лексико-грамматической эквивалентности, в частности при передаче рекомендательного значения. Семантическое различие между русским *должен* и его английскими и французскими функциональными эквивалентами (*shall/should, devoir/devrait*) определяется их грамматическим статусом. В английском и французском языках речь идет о модальных глаголах с грамматикализованными оппозициями, позволяющими формально разграничивать категоричное обязательство и рекомендацию. Русское *должен*, напротив, представляет собой краткое прилагательное, не обладающее видо-временной парадигмой и не имеющее специальной формы для выражения ослабленной деонтической силы. Именно эта грамматическая недифференцированность обуславливает его семантическую неопределенность: одна и та же форма может передавать как строгое обязательство, так и рекомендательное значение.

Это означает, что в русском языке точная степень деонтической силы не извлекается непосредственно из грамматической формы, а конструируется реципиентом на основе контекста. В английском и французском юридическом дискурсе, напротив, различия между обязательством и рекомендацией чаще получают эксплицитное грамматическое выражение, что снижает зависимость интерпретации от контекста. Настоящее различие соотносится и с более широкой типологией коммуникативных культур: для русской традиции в большей степени характерна опора на имплицитную информацию, тогда как для английской и французской – стремление к формальному маркированию семантических различий.

Такая структурная асимметрия имеет значение для интерпретации аутентичных юридических текстов. В тех случаях, когда русскому *должен* соответствуют английское *should* и французское *devrait*, русскоязычный реципиент может по умолчанию воспринимать норму как более категоричную, чем это следует из англо- и франкоязычных версий. Следовательно, в случае с русским текстом необходим более широкий контекстуальный анализ, позволяющий установить фактическую степень деонтической силы. Вместе с тем различие между эксплицитной грамматической стратегией в английском и французском языках и имплицитной контекстной стратегией в русском не разрушает содержательного инварианта, поскольку функциональная эквивалентность в многоязычных юридических текстах обеспечивается на уровне прагматического эффекта.

Категория залога

Помимо установления обязательств, важнейшим аспектом моделирования институционального пространства является распределение фокуса внимания между участниками и результатами правового действия. Категория залога служит когнитивным механизмом профилирования ситуации, позволяя выдвинуть на первый план либо субъект ответственности, либо сам механизм регулирования, либо пассивный объект воздействия. Исследование залоговых форм позволяет проследить, каким образом специфика распределения внимания в русском, английском и французском языках не препятствует достижению тождественного юридического смысла.

В рамках анализа использования страдательного залога на примере статьи 2.2 документа могут быть выявлены грамматические расхождения:

*...Стороны обеспечивают, чтобы получение любых живых измененных организмов <...> осуществлялись таким образом, чтобы **не допускались или были уменьшены** риски...*

*...The Parties shall ensure that the development <...> of any living modified organisms are undertaken in a manner that **prevents or reduces** the risks...*

*...Les Parties veillent à ce que la mise au point <...> de tout organisme vivant modifié se fassent de manière à **prévenir** ou à **réduire** les risques...*

В русском тексте последовательно используется страдательный залог (*не допускались, были уменьшены*), при этом акцент сделан на самих рисках как на объекте воздействия. В противоположность этому, в английском варианте применяется действительный залог (*prevents or reduces*), где деятелем выступает абстрактный способ (*manner*). Во французском тексте используется инфинитивная конструкция (*à prévenir ou à réduire*), которая описывает действие исключительно как цель, полностью избегая указания на исполнителя. Различия в грамматическом строе скорее отражают не разницу в значении, а особенности привычных способов выражения безличных обязательств в юридических текстах, характерные для каждого языка. В русском языке в фокусе внимания находится пассивное состояние субъекта (рисков), в английском – функции метода, во французском – цель действия.

В статье 5, уточняющей юрисдикцию международных соглашений, в вариантах на русском и английском языках использован страдательный залог, выраженный возвратным глаголом *регулируются* и аналитическим сочетанием *are addressed by*. Во французском тексте не используется аналитическая форма страдательного залога (*sont réglementés par*). Вместо этого употреблена действительная по грамматической форме конструкция с причастием настоящего времени *relevant d'autres accords* («относящиеся к другим соглашениям» или «подпадающие под их действие»). Таким образом, описывается не действие, совершаемое над объектом, а его статус или принадлежность к определенной юридической сфере. Если русский и английский языки фокусируются на процессе регулирования, то французский – на состоянии принадлежности к определенной юрисдикции:

...настоящий Протокол не применяется к <...> перемещениям живых измененных организмов, представляющих собой фармацевтические препараты для человека, которые **регулируются** другими соответствующими международными соглашениями...

...this Protocol shall not apply to the <...> movement of living modified organisms which are pharmaceuticals for humans that **are addressed** by other relevant international agreements...

...le présent Protocole ne s'applique pas aux mouvements <...> d'organismes vivants modifiés qui sont des produits pharmaceutiques destinés à l'homme **relevant d'autres accords** <...> internationaux pertinents...

Сопоставительный анализ трех текстов и статистические данные показывают, что в русском варианте страдательный залог используется гораздо чаще (35,8%), чем в английском (22%) и французском (28,1%). Можно сделать вывод, что в русском языке фокус внимания направлен на пассивный объект, в то время как в английском и французском чаще используются альтернативные конструкции – действительный залог с абстрактным субъектом, инфинитивы или номинализированные единицы.

Выявленная лексико-грамматическая асимметрия в способах выражения категории залога может быть охарактеризована не как формально-синтаксическое расхождение, а как проявление специфических лингво-когнитивных стратегий ориентирующей деятельности. Высокая частотность использования страдательного залога в русском тексте (35,8%) свидетельствует о фокусе внимания на объекте воздействия и результативном состоянии правового поля. В английском документе посредством обращения к действительному залогу с абстрактными субъектами внимание реципиента направляется на сам механизм реализации правового предписания. В то же время во французском тексте за счет применения инфинитивных и причастных оборотов задается вектор восприятия, при котором акцентируется цель действия либо юридический статус регламентируемого объекта (Таблица 4).

Таблица 4. Соотношение страдательного и действительного залога в Картахенском протоколе

	RU	EN	FR
Действительный залог	64,2%	78%	71,9%
Страдательный залог	35,8%	22%	28,1%

Темпоральность

Обеспечение стабильности и предсказуемости международного сотрудничества напрямую зависит от того, как в тексте документа выстраивается временная перспектива. Категория темпоральности выполняет функцию синхронизации правовой реальности, задавая рамки «вневременного настоящего» для действующих норм или фиксируя наступление юридически значимых последствий в прошлом и будущем.

Темпоральная структура Картахенского протокола во всех трех аутентичных версиях отражает общую для юридического стиля тенденцию ограничения набора видо-временных форм. В преобладающем количестве положений использовано настоящее время, устанавливающее вневременные нормы и обязательства. В результате количественного анализа выявлено, что другие временные формы встречаются в единичных случаях. Так, в английском тексте формы времен (Present Perfect и Past Simple) встречаются суммарно четыре раза, а будущее (Future Simple) – всего один раз. Схожая картина наблюдается и во французской, и в русской версиях. Полное отсутствие грамматических времен, используемых для повествования или описания, например, таких как Present Continuous или Imparfait, и преобладающее использование форм настоящего времени обеспечивают создание общего темпорального контура, который служит основой для достижения функциональной эквивалентности текстов документов.

В рамках анализа английского текста Картахенского протокола выявлено, что конструкция Present Perfect используется всего в трех случаях, выполняя функцию связи совершенного действия с актуальными правовыми последствиями. Сравнительный анализ конструкций в Статье 12.2 трех аутентичных вариантов текста

свидетельствует о высокой степени темпоральной эквивалентности: английскому сочетанию *a decision it has made* в русском языке соответствует прошедшее время совершенного вида (было принято) и *Passé composé* (*a prise*) во французской версии. Эти конструкции выступают прямыми аналогами формы *Present Perfect*, подчеркивая юридически значимый результат действия (Голев, Матвеева, 2003, с. 146).

Однако в других случаях наблюдается грамматическая асимметрия между французской и английской/русской версиями документа для выражения того же правового смысла. Так, в статье 12.2 (b) английское сочетание *has become available*, выражающее динамический переход в новое состояние с акцентом на его актуальности для настоящего, в русском языке выражено формой прошедшего времени совершенного вида (*появилась*), которая, в отличие от несовершенного, подчеркивает результат завершенного действия (Бондарко, 2007, с. 26-27). Таким образом, и в английской, и в русской версиях ситуация представлена как событие, в результате которого информация изменила свое состояние. В то же время во французском тексте для передачи этого же результата использована статическая конструкция настоящего времени *sont disponibles* (*являются доступными*), что отражает констатацию текущей правовой реальности, а не событие, которое ее породило. В статье 12.2 между русским и английским языками вновь наблюдается структурная близость в выражении категории темпоральности (конструкции *has previously notified* и *уведомил*) для описания предшествующего действия. Во французском тексте тот же смысл выражен через номинативную конструкцию с атрибутивным определением: *notifications antérieures* (*предыдущие уведомления*), что не приводит к прямой темпоральной привязке.

Использование будущего времени в Картахенском протоколе также является показательным для анализа структурной асимметрии в выражении темпоральности. В Статье 10, пункт 3(a), описывается содержание будущего решения и способ его реализации. В английском (*how the decision will apply*) и французском (*comment la décision s'appliquera*) вариантах текста наблюдается высокая степень грамматической эквивалентности за счет использования *Future Simple* и *Futur simple* соответственно. Выбор *will* в английском варианте текста подчеркивает, что речь идет не о наложении обязательства на Сторону, а об описании будущего функционирования самого решения. Применение решения представлено как будущее следствие текущего действия. В русской версии использована форма настоящего времени несовершенного вида (*как это решение применяется*). Употребление настоящего времени для обозначения будущих событий соответствует грамматической норме в русском языке (Бондарко, 2007, с. 32), однако такое использование настоящего времени приводит к смещению темпорального акцента. Вместо описания будущего следствия, русский текст формулирует это как вневременное свойство или атрибут самого решения. То есть применение решения к будущим поставкам – это не то, что произойдет с решением, а то, что является его неотъемлемой характеристикой, устанавливаемой в момент его принятия.

Для темпоральной структуры Картахенского протокола на трех языках характерна функциональная эквивалентность, достигнутая за счет разных грамматических средств, что наиболее очевидно при ссылках на прошлые события, имеющие правовые последствия. В английской и русской версиях наблюдается использование глагольных форм прошедшего времени, что подчеркивает динамический аспект – переход в новое состояние. Напротив, во французской версии в тех же контекстах прослеживается тенденция к использованию конструкций настоящего времени или атрибутивных оборотов, которые вербализуют уже существующее, статичное состояние. Образ «вневременного настоящего», формируемый посредством преобладания форм настоящего времени в текстах на трех языках, может быть охарактеризован как компонент содержательного инварианта. Эквивалентность рассматриваемых текстов подтверждается тем фактом, что идентичность предписания достигается не путем линейного копирования структур, а посредством активации специфичных для каждого языка когнитивных моделей, направленных на поддержание неизменности смыслового инварианта.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно сформулировать следующие выводы:

1. Обоснование понятия межкультурного содержательного инварианта с позиций биокогнитивного подхода позволило установить, что для обеспечения единообразного правоприменения язык функционирует не как абстрактная система кодирования данных, а как механизм когнитивной координации. Выявленная в текстах лексико-грамматическая вариативность представляет собой не препятствие, а закономерный процесс адаптации языковых стимулов к специфике конкретной лингвокультуры. Эти стимулы актуализируют единый ментальный конструкт (содержательный инвариант), что приводит к формированию реляционной консенсуальной области и позволяет конструировать единую правовую реальность в рамках экологического дискурса.

2. Выявление и анализ особенностей метафорической концептуализации в аутентичных текстах на трех языках показали, что абстрактные категории международного права укоренены в универсальном сенсомоторном опыте. Доказано, что, несмотря на лексико-семантическую асимметрию, в русском, английском и французском языках наблюдается концептуальный изоморфизм: активация схожих образных схем при репрезентации правовых концептов гарантирует функциональную эквивалентность положений договора и их схожее восприятие.

3. В результате сопоставительного анализа лексико-грамматических средств выражения деонтической модальности, а также категорий залога и темпоральности установлено, что структурная асимметрия служит средством когнитивного профилирования, не нарушающим юридического смысла. Различия в выборе залога отражают специфику распределения фокуса внимания между объектом воздействия и механизмом

регулирования. При этом категория темпоральности во всех трех версиях выполняет общую функцию, создавая единый «каркас» «вневременного настоящего».

Таким образом, в рамках исследования доказано, что многоязычный текст международного соглашения, представляя собой сверхсложный знак, активирует в сознании реципиента когнитивные процессы, обеспечивающие консенсуальное понимание норм. Лингвокогнитивная эквивалентность достигается не за счет строгой структурной симметрии языковых единиц, а посредством успешной когнитивной координации.

В качестве перспектив исследования можно назвать возможность расширения эмпирической базы за счет включения других официальных языков ООН, изучение документов, отражающих толкования положений международного соглашения в международных и национальных судах, а также анализ лингвокогнитивных оснований эквивалентности в иных типах международного институционального дискурса.

Материалы исследования | Research materials

1. Картаженский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии. 2000. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cartagena.pdf
2. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности: федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 28. Ст. 3348 (2021. № 27. Ст. 5187).
3. Словарь русского языка С. И. Ожегова. <https://slovarozhegova.ru/>
4. Толковый словарь Д. Н. Ушакова. <https://ushakovdictionary.ru/>
5. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org/>
6. Cartagena Protocol on Biosafety to the Convention on Biological Diversity. 2000. <https://www.cbd.int/doc/legal/cartagena-protocol-en.pdf>
7. Collins Cobuild Advanced Learner's Dictionary. <https://www.collinsdictionary.com/>
8. Dico en ligne le Robert. <https://dictionnaire.lerobert.com/>
9. Dictionnaires français Larousse. <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue>
10. Merriam-Webster's Advanced Learner's Dictionary. <https://www.merriam-webster.com/>
11. Protocole de Cartagena sur la Prévention des Risques Biotechnologiques relatif à la Convention sur la Diversité Biologique. 2000. <https://www.cbd.int/doc/legal/cartagena-protocol-fr.pdf>
12. The Chambers Dictionary. <https://chambers.co.uk/search/>

Источники | References

1. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Изд-е 4-е. М.: URSS, 2007.
2. Голев Н. Д., Матвеева О. Н. Юрислингвистическая экспертиза на стыке языка и права // Сибирский филологический журнал. 2003. № 1.
3. Капустин А. Я. Международное судебное толкование международного договора: современные тренды // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 8. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.102>
4. Кравченко А. В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета экономики и права, 2008.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
6. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. Изд-е 2-е / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2019.
7. Новиков Д. Н., Катаева Н. О. Семантика модальных глаголов shall и should в современном английском языке: прототипический подход // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 13.
8. Щеголева А. М. История разработки и принятия Картаженского протокола по биобезопасности 2000 г.: travaux préparatoires // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 2.
9. Druzhinin A. Biology of modeling: revisiting Humberto Maturana's philosophy // Chinese Semiotic Studies. 2025. Vol. 21. No. 2.
10. Hansen-Lohrey C. Reconciling Divergent Meanings in the Interpretation of Multilingual Treaties // International and Comparative Law Quarterly. 2025. Vol. 74. No. 2. <https://doi.org/10.1017/s0020589325100778>
11. Khachatryan A., Voskanyan M. Grammatical Features of Translating Bilateral International Treaties // Translation Studies: Theory and Practice. 2022. Vol. 2. Issue 1-3. <https://doi.org/10.46991/tstp/2022.2.1.005>
12. Martino L. Determining Indeterminacy: Plurilingual Treaty Interpretation Under Article 33 of the Vienna Convention on the Law of Treaties // Columbia Journal of Transnational Law. 2024. Vol. 62. No. 2.
13. Stibbe A. Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By. 2nd ed. L.: Routledge, 2021.

Информация об авторах | Author information

RU

Курганова Маргарита Сергеевна¹

Новиков Дмитрий Николаевич², к. филол. н., доц.

^{1, 2} Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

EN

Margarita Sergeevna Kurganova¹

Dmitry Nikolaevich Novikov², PhD

^{1, 2} Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

¹ kurganova-margarita@mail.ru, ² dnnovikoff@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.04.2026; опубликовано online (published online): 30.04.2026.

Ключевые слова (keywords): биокогнитивная лингвистика; функциональная эквивалентность; международный договор; когнитивный инвариант; экологический дискурс; biocognitive linguistics; functional equivalence; international treaty; cognitive invariant; ecological discourse.